



КАТЕРИНА БЕРЕЗИНА

# ОТРЫВНОЙ КАЛЕНДАРЬ

Катерина Березина  
**Отрывной календарь**

«Selfpub.ru»

2013

## **Березина К.**

Отрывной календарь / К. Березина — «Selfpub.ru», 2013

Жизнь Наташи резко меняется, когда она узнает, что подруга не та, за кого себя выдавала! В одну секунду привычное рушится, все ценности становятся ничтожны, жизнь резко меняется далеко не в лучшую сторону. Необходимость самостоятельно зарабатывать деньги, нетрадиционные отношения, быстрая смена политических мнений – все это пугает и заставляет прятаться в серые будни. Мы ходим на работу, ведем стандартно размеренный образ жизни, но отчаянно завидуем способности молодых не зависеть от чужих мнений, быстро меняться, жить ярко и «для себя». Роман «Отрывной календарь» о том, как молодой одинокой женщине найти себя и не быть сломленной наперекор всем неудачам и одиночеству.

© Березина К., 2013

© Selfpub.ru, 2013

## Содержание

– 1 –	5
– 2 –	23
Конец ознакомительного фрагмента.	28

– 1 –

Отложила в сторону последний листок с контрольным тестом, которым сегодня испытала второкурсников после летних каникул. Устала зверски. В юных головах осталось так мало, что работе конца и края нет. Хоть выгоняй заново на первый курс.

Нужно расслабиться. Корявый студенческий английский выветривался медленно, к тому же заколка «краб» мертвой хваткой впиалась в мозг. Сняла и с облегчением растрепала волосы. Еще несколько минут, бездумно уставившись в одну точку, растирала шею и плечи. Из обрывков мыслей, которые ранеными птицами бились в голове, как-то ничего конкретного не складывалось. То хотелось крепкого чая с марокканской мятой, то залечь на диван и уставиться в телевизор, то...

Из оцепенения вывел телефон. Кто может звонить в одиннадцать вечера на домашний?

– Натали! Приветствую, затворница! Опять зависла над опусами безграмотных студентов?

Наташа, поморщившись, слегка отодвинула трубку от уха. Кто же еще, как не Лариска? Невероятная женщина! Уже много лет являлась одновременно и лучшей подругой и жутчайшим раздражителем. Обещанием невероятной авантюры и спасителем от всевозможных депрессий. Вот и сейчас ее предложение стало ровным надрезом по диагонали вечера и обещало кардинальную перемену места и настроения. Причем отбрыкаться – без шансов. Недаром Лариса уже много лет работает продюсером на телевидении и называет себя «продавец счастья». Умеет красиво делать предложения, от которых «невозможно отказаться», и вызывать эмоции даже у памятника:

– Не кисни, подруга, завтра суббота, рано вставать не надо. Живая музыка и крепкий алкоголь – вот, что тебе нужно. Поехали, «Шляпа» ждет!

– Ларис, – Наташа постаралась сделать голос максимально усталым и сонным, может удастся свернуть беседу в комочек и забросить подальше, хотя бы за диван, – Я совершенно не в состоянии. Ты же знаешь, что не люблю твой джаз, от виски голова разболится. Давай не сегодня...

– Наташ. Позор-то какой! – Голос в трубке зазвенел металлом. – Месяц уже тебя не видела, но почему-то уверена на «стописят» процентов, ты сейчас в дурацком застиранном халате в горошек, в шерстяных носках и волосья не причесаны. Для полноты счастья не хватает картонки на груди: «Я – старая дева».

Наташа повернулась на девяносто градусов и посмотрела в большое, в полстены коридора, зеркало в вычурной раме – мамино любимое «барокко». Халат – в горошек, носки – шерстяные, еще бабушка вязала. Как будто подруга в телескоп подглядывает! Таблички нет. Но то, что увидела в зеркале, не особо понравилось. Замученный вид уже начинает становиться стилем жизни, хотя уставать особо не от чего: всего лишь неделю назад начались трудовые будни в институте.

– Сколько можно избегать людей и общения? Ну не люби джаз! Зато люби тех, кто собирается в клубе его послушать. Они такие же, как и ты, с подвывихом мозга.

Наташа вздохнула. На душе стало тоскливо от Ларискиных речей. Есть в этом суровая правда: кроме студентов и преподавателей с кафедры, не считая случайных разговоров в метро, ни с кем нормально не общается. Одиночество входит в привычку.

В августе съездила в Севастополь. Поездка получилась стихийная и незапланированная. Непривычно душным для Питера вечером, бездумно перебирая программы на телевизоре, наткнулась на передачу про Крым – голубая мечта с детства. Практически сразу через Интернет заказала по копеечной цене номер в одной из маленьких гостиниц города мечты и билеты на поезд. Даже в голову не пришло кому-нибудь позвонить, посоветоваться, ну или,

на крайний случай, пригласить с собой. Гулять по волшебным улочкам заветного Зурбагана и любоваться мощью когда-то российского флота пришлось одной.

Наряду с получением экскурсионных впечатлений и с купанием в Черном море, Наташа окунулась в себя. С головой и без акваланга. День перетекал в день. Не поддаваясь никакой логике, настроение скакало от щенячьей радости при виде щербинок на выложенной булыжником мостовой до удушающих приступов тоски и желания сброситься с обрыва в море. Кризис среднего возраста, как психологи говорят. У каждого персональный сценарий: у кого-то тихо и незаметно – чуть приправленный сожалением, а кто-то начинает быстро менять работу, друзей, мужей.

У Наташи все произошло фатально быстро: в один момент. Щелк – тумблер в голове переключился, и поняла – полжизни прожила зря. Всего лишь неделя вдали от дома, от привычной серо-будничной обстановки, познакомила с собой и сделала старше, отняв иллюзию отсутствия нескольких лет.

Набережная Севастополя манит легкостью разрешения всех проблем: ограждений нет, глубина моря сразу два метра. В предпоследний вечер, борясь с искушением сделать шаг со скользкой бетонной ступеньки, Наташа, наблюдала, как оранжевое солнце плавится от погружения в багровое море. Острая физическая боль закрутила тело, выворачивало кости, потекли слезы: представила, что она, а не солнце, исчезает от соприкосновения с жизнью. Процентом на семьдесят Наташины мысли всегда состояли из подхваченных в книжках умных разглагольствований героев, и лишь на оставшиеся тридцать можно наскрести личного опыта и радужных фантазий – примерно один к одному. Как никогда остро почувствовала возраст и время, утекающее сквозь пальцы.

Вернулась из поездки другим человеком. Если бы сказали заранее, какие испытания пройдет, даже за сладкие конфетки-бараночки не согласилась поехать. Но, к сожалению, кризис среднего возраста приходит сам по себе и ко всем. Не выбирая место, город и человека.

Сейчас, спустя почти месяц, отголоски бури протуберанцами все еще восставали в Наташиной голове. Как хронический больной чувствует приближение нового приступа, так и она научилась предвидеть очередной завих в сознании. Вечер с Ларисой мог стать чудесным лекарством, надо только решиться и принять предложение:

– Ладно, согласна. Но только обещаю не сбежать в разгаре вечера. Я отвыкла от людей, буду за тебя цепляться и попискивать от страха, что на меня смотрят.

– Не переживай, я не особо стремлюсь подцепить кого-нибудь сегодня вечером... – Лариса почему-то запнулась, – мне... надо кое-что обсудить. Нат, даже не знаю, стоит ли... Неважно. Ты мне нужна сегодня. Очень.

– Что случилось? Ты меня пугаешь! Очередной Карлсон? – Наташа насторожилась.

Если Лариса хочет «кое-что обсудить», то часто оказывается отнюдь не пустячок. Почти так же внезапно на прошлые майские праздники начался автобусный пятидневный тур Финляндия-Швеция, куда отправились «в поисках» Карлсона. Так Лариса называла интернет-возлюбленного Эрика из Стокгольма. Хотелось посмотреть, в каких условиях живет и стоит ли заморачиваться с дальнейшим продолжением отношений.

Подруга заявила со стопкой распечатанных фотографий, присланных Эриком. К ним прилагался подробно составленный план-перехват Карлсона. Поездка планировалась полностью анонимная, бедный Йорик-Эрик даже не подозревал о разведке боем, но в результате принял в их судьбе живейшее участие. В одном из кафе Лариса рассталась с сумкой с документами: помогли шведские подростки. Тихонечко сидели рядом, мирно попивая кофе, и так же, по-тихому, растворились в старинных улочках Стокгольма, прихватив ярко-зеленый Ларисин «баул». Эрика из Интернета вызывали в реальный мир, как джина из бутылки, оставив слезное сообщение в Фейсбуке. История получилась не совсем красивая, ему пришлось

профинансировать возвращение на родину. Естественно, романтические отношения закончились сразу же в Стокгольме, толком и не начавшись. Поэтому «кое-что» в устах Ларисы могло обернуться очередным приключением с многовариантным финалом.

– Не переживай, все будет происходить в черте города, просто поговорим. В астрал точно выйдем! – Лариска хохотнула. Показалось, слишком нервно. – Минут через пятнадцать подъеду и позвоню. Давай, собирайся!

Наташа положила трубку. Надо собраться быстро, практически с нуля довести себя до уровня «Женщина». В джаз-баре «The Hat», который Лара упорно называет «Шляпа», атмосфера всегда непринужденная. Люди приходят слушать музыку, себя, друзей и просто всех, кто вокруг. Можно не мудрить, одеться просто – джинсы и черная водолазка. Но в голове засела яркая иллюстрация, подброшенная доброй подругой: картонка с надписью «Я – старая дева», для пущей красочности рисуемая воображением висящей на морщинистой шее. Хочется поскорее избавиться от неприятного ощущения неухоженности и остудить фантазии. Обливаясь в душе то холодной, то горячей водой, неожиданно запела почти во весь голос: «Ой мороз, мороз, не морозь меня...», смутившись, хихикнула. Неужели предложение Лариски провести вечер в баре с незнакомыми людьми так волнует?

В шкафу руки потянулись все-таки к джинсам, но атласный васильковый топ и бежевый пиджак Mango придали свежесть и подчеркнули все еще неплохую фигуру. В зеркале отражалась уже не училка, а молодая женщина стандартного 46-го размера с отличным декольте. С такой можно и не только джаз послушать. Наташа быстро сделала «дежурный» макияж. Себе она не нравилась. Никогда. Даже если присутствие рядом мужчины должно убеждать в обратном. Когда смотрела в зеркало или на фотографии, то в глаза бросался курносый нос. Остальное, как недостойное внимания, принципиально старалась не замечать. Давно принято решение, красота досталась другим, а Наташа стала обладательницей главного приза – ума. Так жить проще и спокойнее. Без всплесков на утомительные романтические переживания. Наташа называла состояние влюбленности «американскими горками», и если принять во внимание, что терпеть их не могла, потому как жестоко укачивает, то становится понятным, какое место в ее жизни занимает любовь. Обычно отношения с мужчинами заканчивались вместе с увертюрой. Богатая фантазия, на основе большого количества прочитанных книг, помогала дорисовать и прожить «историю любви» до конца.

Когда Лариса приехала, Наташа решала проблему: как сделать, чтобы пробор с сединой был не так заметен в густых каштановых волосах. За месяц ни разу и не вспомнила, что надо записаться в парикмахерскую. Все тридцать шесть лет, прожитые в тяжелых умственных упражнениях, отсвечивали лунной дорожкой на голове. Пришлось зачесать волосы назад, надеть ободок и на этом успокоиться.

Такси, ожидавшее у подъезда, покрыто мелкими капельками дождя. Питерское ночное небо всем видом показывало, осень наступила, несмотря на самое начало сентября. Подруга ждала на заднем сиденье автомобиля серьезная и сосредоточенная. «Не лучше, чем небо», – улыбнулась про себя Наташа, – «беспросветные думы одолели. О судьбах человечества, не меньше». Но не стала говорить вслух. У Ларисы есть очень редкое в двадцать первом веке качество – искренность. Все происходящее с ней или с кем-нибудь другим, она проживала отчаянно, по-настоящему и глубоко. Если в такие минуты полного погружения в ситуацию показать беспечное отношение, то можно очень сильно обидеть. За долгие годы дружбы Наташа научилась сначала выяснять, в чем дело, а потом уже давать какую-либо оценку.

– Белинского, 9, пожалуйста. – Лариса повернулась к Наташе и, совершенно неожиданно хлопнула по коленке и расхохоталась. – Ободок! Что я вижу!? Опять покрасить «свой года» забыла? Ну ты, мать, даешь, совсем одичала. А вот пиджак нравится. – Она крепко обняла Наташу, – Соскучилась я по тебе, дружочек. – И, то ли всхлипнула, то ли хихикнула.

Наташа отстранилась и посмотрела пристально Ларисе в глаза, охватило тревожное предчувствие, что-то происходило в душе подруги. Такое, чего раньше не замечала. В голову полезли разные мысли, может болезнь? Из-за любви Лариса так раньше не переживала.

В присутствии таксиста поднимать серьезные темы душа не лежала. Его и так веселило: «престарелые девчонки «на дискотэку поихалы». Еле поместившийся за рулем мужичок, с виду напоминавший румяного Колобка в кепке, совершенно не смущался делиться мнением по поводу их ночного «выхода в свет». Активно используя фрикативную «гэ», рассказал, как в молодости хулиганил в станице на «дискотэках у клубе» и таких, только моложе, шупал. Объяснил, почему надо сидеть дома, мужиков охаживать, а не на ночь глядя, песок трясти. Пока Лариса упражнялась в остроумии с таксистом, Наташа, кусала губы, сдерживая протест. Подумалось, если бы даже... Представить только, что дома действительно остался любимый и любящий мужчина... Слабо представляется... Привычка жить одной и решать все самостоятельно допускает такую мысль лишь по теории вероятности. Но, все же! Поехать в клуб с подругой – эта ситуация в ее семье должна быть вполне реальной.

Таксист не угомонился до самого конца мучительной поездки, Наташа, сунув Ларисе деньги, с облегчением выскочила под морозящий дождь. Еще бы немного, и слова, кипящие внутри как лава, прожгли бы понаехавшему мужичку засаленную кепку вместе с лысиной.

Почему-то некоторые знакомые дамочки, выйдя замуж, активно пропагандируют домостроевские устои, по которым живут и якобы радуются. Должна современная женщина служить мужчине? Ребенку? Семье в целом? Служить?! Хорошо, перефразируем, «сохранять ячейку общества». Вопрос лишь в цене. Не покажется ли со временем, что потраченные в семье годы, не стоят того, от чего пришлось отказаться? Не просто на задний план, а прямо в утиль идут увлечения, саморазвитие, дружеские связи. Когда начинает замужняя дама рассказывать «как дела», то стандартно выделяются два периода: «до» и «после» свадьбы. Второй период начинает дробиться в зависимости от количества мужей. И от количества детей. Если бы я вышла замуж, подумала Наташа, то жизнь не стала бы делиться на какие-то периоды. Теория про две половинки, образующие целое – намного ближе. Главное в семье – доверие. Надо позволять каждому иметь личное пространство и развиваться так, как требует душа... Дополняя друг друга, а не отгрызая свободу любимого человека в личных целях.

«The Nat» встретил разгулом мелодии и затылками посетителей. На сцене музыканты уже вошли в штопор: клавиши фортепиано, казалось, вылетают из-под пальцев сосредоточенной Дины Синеглазовой. Трубоч, выкатив глаза, пытался успеть продудеть феерические пассажи. Наташа втянула с наслаждением сигаретный дым, смешавшийся с ароматом крепкого алкоголя. Нервы, гудевшие, как высоковольтные провода, начинали стабилизироваться, перестраиваясь на позитивный лад. Лариса сдержала обещание: не растворилась в толпе, хотя энергично отмахивала приветствия знакомым, а крепко держала за руку. Найти свободное место в баре – сложная задача. Вечер пятницы у многих вызывает непреодолимое желание пообщаться с себе подобными и выгоняет из благоустроенных норок. Через несколько «извините» и столько же стукнутых локтей, спин и прочего, Наташа практически с разбегу воткнулась в Ларису, с наполеоновскими бровями оглядывавшую помещение. Народ стоял группками, отбивая ритм ногами и руками, стряхивал пепел по-студенчески «одна тарелка – восемь вилок» в заботливо выставленные барменом пепельницы. Наташа пробралась к барной стойке, достала наконец-то сигарету и закурила. Лариса встала за спиной, по-прежнему с грозным видом полководца. Надо принимать меры.

– Лорик, здесь так хорошо. Скажи, что тебе заказать? Чем расслабляться будем?

– Давай виски двойной, льда поменьше.

Синеглазова начала играть грустную пронзительную мелодию. У Наташи подступили слезы. Вот всегда так. Вроде и реветь не собираешься, а если трогательно-печальное слышишь или видишь, спазм в горле и подборок начинает предательски дрожать. Все-таки нравится в «Шляпе». Не поклонница джаза, не знает названий всяких музык и от этого еще лучше: все в новинку, как в первый раз – через душу.

– Ларис, вот скажи, почему? – Музыка не давала разговаривать, поэтому приходилось повышать голос, чтобы быть услышанной. – Вы с таксистом ржали, а я готовилась ему глаза выцарапать. Кто сказал, что надо сидеть дома мужниной женой и борщи варить? Почему он так считает? И, что самое обидное, это не только его мнение, это общепринятое...

Наташа в поисках поддержки взяла Ларису за плечо, посмотрела в глаза и приготовилась продолжать монолог дальше, но та резко оборвала:

– А кто сказал «борщи варить» плохо? Почему ты так категорична? Посмотри на нас. Когда сорок стукнет, что делать будешь? На Манхеттен поедешь искать клюшек, которые «Секс в большом городе» устроили и после сорока счастливо замуж повыходили с перерывами на климакс? И ты им веришь? Опомнись, мы здесь, в России, старые девы уже в тридцать шесть. Секс редким пунктиром по жизни не в счет. Дни испаряются, а мы превращаемся в печеное яблоко. И даже таксисты ржут. Не надо обижаться, он лишь выразил мнение всех русских мужчин! Лучше на себя обидеться надо так, чтобы захотелось нормальной бабой стать, а не трусливой феминисткой.

– Лорик, стоп, тебя куда-то понесло! – Наташа даже забыла стряхнуть пепел, он упал на руку и покатился в рукав пиджака. Как назло, пока вытряхивала, музыканты закончили играть и, аккуратно перед аплодисментами, Наташа выкрикнула на весь бар. – Мы – не старые девы!

Аплодисменты все-таки раздались, их сопровождали нестройные смешки, адресованные явно не на сцену. В одном углу жизнерадостно заржали. Трубочник сделал поклон в сторону Наташи с Ларисой, подошел к микрофону:

– Милые девушки, если кто подумал, что сия прозвучавшая композиция посягает на вашу свободу, приношу извинения! Надеюсь, следующая позволит расслабиться и настроиться на более позитивный лад...

Раскаленными углями запылали щеки. Лариса, выпучив глаза, закрыла рот рукой, чтобы не заржать. С полминуты смотрели друг на друга, пока не зазвучала музыка. Потом стало немного отпускать. Лариса сделала большой глоток виски, по старой привычке разгрызла льдинку. Наташа, уставившись в полированную столешницу барной стойки, разглядывала мелкие царапинки. Стыд и паника не давали поднять глаза и посмотреть по сторонам. По ощущениям, вся уже светилась, как китайский фонарик. Настолько ободрала глаза любопытствующих как выглядит «не старая дева». Замечательные по глупости каламбуры полезли в голову: «Не всегда приятно быть гвоздем вечера, можно по неосторожности пригвоздить себя». Лариса нарушила нестройный ход мыслей:

– Ната, давай пока тему закроем. Непростой разговор, не для бара, по крайней мере... Опа... вечер обещает быть интересным... – И тут Лариса как-то странно посмотрела на Наташу, рот стал расплываться в неприлично хитрой усмешке, бровь поднялась дугой.

Наташа почувствовала, чьи-то руки легли на плечи и начали отстукивать ритм музыки. Пока тушила сигарету, совершенно нахальным образом руки переместились к локтям. Неторопясь повернулась, приготовившись выразить большое «фу» тому, кто посягает на личное пространство, и оказалась практически в объятиях мужчины. Как и полагается в романтических лавстори – незнакомого и ужасно симпатичного. В жизни все героини резко приобретают плоть и реальность, бумажные развевающиеся кудри остаются вместе с доспехами и конем под обложкой, и приходится узнавать, что принц чешется, икает и, когда не совершает подвиги, то ни чем не отличается от хмурого соседа, которого встречаешь по утрам на лест-

ничной площадке спешащим на работу. Пахло приличной дозой спиртного, герой романа оказался небритым дней пять и одет в джемпер кислого зеленого цвета. Спасла от немедленного изгнания светлая улыбка, которая разгоняла по свободному от щетины пространству совершенно очаровательные морщинки.

Наташа постаралась аккуратно высвободиться: «Извините, Вы ошиблись» и начала отворачиваться. Мужчина сделал шаг, и вновь Наташа очутилась нос к носу к джемперу. В вырезе мелькнул плетеный чокер с серебряными вставками. «Ах, еще и за модой следим...» – подняла глаза на нового приятеля. Стоял близко-близко, слегка пританцовывая в ритм музыке, улыбался, держал Наташу за локти и ничего не предпринимал дальше. Жесткие черные волосы, классическая стрижка, глубоко посаженные карие глаза, крупные черты лица. Наташа лихорадочно соображала, кто сейчас пытается с ней заигрывать. Он мог быть кем угодно: хоть дворником, хоть менеджером, психом, ученым. Совершенно обычный мужик, но в этой ситуации становился необычным: стоит перед ней и, откровенно разглядывая, практически обнимает. Автоматически ноги начинают потихоньку слабеть, ладошки отпотевать, а сердце – биться о грудную клетку. Хорошо, не видно, как краснеет, лицо от предыдущего позора еще не остыло. Кроме мысли, что давно так не влипала: сзади барная стойка, впереди живой мужчина, ничего на ум не приходило. Остается прыжок на месте – попытка улететь, но и тут облом – держит за локти. Краем глаза увидела, что Лариса отступила метра на четыре, явно с целью не вмешиваться в происходящее, а понаблюдать и составить, так сказать, полную картину момента. Улыбается, хоть бы отвлекающий маневр сделала какой-нибудь.

Мужчина, наверное, решил помочь Наташе, наклонился к уху и сказал: «Саша!». Сердце подпрыгнуло и застучало в голове: приятный баритон с хрипотцой, к тому же отличный парфюм пробился через запах алкоголя. «Надо же, рифмуемся», – попыталась хоть юмором спастись от полного превращения в желе.

– Наташа. – Голос предательски осип.

– Я знаю. Лариса сказала, что придет с Наташей. Если она здесь, то ты – Наташа.

Почувствовала, как вновь обретает уверенность: в руки вложено целых два патрона, которые тут же вставила в револьвер. Первый был пущен в нового знакомого:

– А мы уже на «ты»?

Второй приберегла для Ларисы. Вот предательница! Заманила серьезным разговором, а сама решила с мужиком свести. Придется составить «серьезный разговор» насчет дружеской поддержки и участия: где дружба есть, а куда не должна проникать.

– Я не вижу повода «выкатать», – Саша достаточно резко выражал мысли. Избыток мужских гормонов в тембре голоса вызвал в Наташе не совсем однозначные ощущения: протест против ситуации умножился на женскую растерянность перед сильным мужчиной. В результате минус на плюс дает ноль – стоит столбом и слушает.

– Мы одного возраста. В баре. Я хочу провести с тобой вечер. Поэтому не буду тратить время на украшения и этикет.

Наташе захотелось демонстративно отвернуться, как обычно делала, когда хотела показать, что беседа окончена. Но ограничилась тем, что высвободилась. Поворачиваться спиной к Саше, а лицом к стойке – получилось бы пикантно, а не протестно. Он положил руки на столешницу, не давая уйти в сторону, Наташа засунула вспотевшие ладони в карманы джинсов. Подумалось: «Стоим как подростки на разборках».

– Вы очень долго ехали, я выпил лишнего, а нормально поужинать сегодня не успел. Наташа, я пьян. – Саша улыбался, смотря прямо в глаза.

Не понимала в чем подвох: запах спиртного есть, но нет никаких других признаков опьянения. Цепкий, умный взгляд, четкая речь без алкогольной вязкости. Больше похоже на то, что пытается спровоцировать, чем завести разговор. Но вот на что? Какое слово или

реакцию по плану должна выдать? Наташа повернулась к подруге, та, делала вид, что их не замечает, и живо общалась с кем-то.

– Саша, позови Ларису, мне надо кое-что спросить.

Он, было, сделал движение в сторону, но тут же остановился:

– Нее, ты убежишь, а я еще с тобой не познакомился как надо.

– А как надо познакомиться?

– Я должен тебя отвести за столик, – Оглянулся назад, – Черт, не получится. Ну угостить ... что ты там пьешь... – Саша почти прижался к Наташе, потянувшись за стаканом, отпил. – О, виски! Будет проще. Ненавижу женщин, которые любят «Мартини». Ни одна из них не знает, что это обычный вермут. Ты пьешь «Мартини»?

Наташа захлопала глазами. Что ответить?! Во-первых, Саша говорил очень громко, уверенно, немного наклоняясь ближе, чем надо. Во-вторых, поток сознания пугал. Понимала, человек очень самоуверен, на своей волне находится прочно и не собирается говорить что-либо только для того, чтобы понравиться. Он, молчал, смотрел прямо в глаза, по-прежнему улыбался и явно ждал ответа.

– Иногда пью.

– Молодец! – Саша широко улыбнулся. – Не струсил сказать правду. Все женщины пьют «Мартини».

Он опять взял Наташу за плечи. Тут же поняла, четко направляя в толпе, ее куда-то ведут. Оказать сопротивление – не успела.

Удивительно, как один человек может вызвать воспоминания о другом из прошлого, которое лучше и не ворошить. На втором курсе института профком устроил дискотеку для студентов – участников олимпиады. Наташа, как начинающий профсоюзный лидер, вошла в число организаторов. Самой себе казалась очень важной, несмотря на то, что фронт работ заключался только в том, чтобы стоять на входе и проверять пригласительные. Зато, когда Наташа поднялась в рекреацию, где в полумраке на бетонном полу под «The Chemical Brothers» отплясывали победители, побежденные и гости, ее знали все присутствующие, потому что прошли через строгие руки и глаза «контролера». Особенным показался высокий блондин с тонкими губами, надменно бросивший проходя на вечеринку: «Я тебя найду, симпатичная, не прячься». И, хоть парень совершенно не в ее вкусе, – белесые брови снижали градус мужественности – но в данном случае, как овечка на заклание, пошла первая искать его среди толпы. Женщины падки на мужское внимание, от кого бы не исходило. Каждой хочется ощущать себя желанной. Воображение тут же дорисовывает белую фату, кровать с балдахинном и загородный дом. В подавляющем большинстве, на первый план выходит кровать с панцирной сеткой в студенческой общаге. И на этом все заканчивается.

Заметив блондина в плотной толпе танцующих, Наташа приняла красивую позу, облокотившись на подоконник и выставив призывно бедро. Реакция последовала незамедлительно. Самоуверенность молодого самца сносила голову, сладко щемило внизу живота. Разговор – ни о чем, но тогда казался весьма многозначительным. Видимо, женские флюиды, произвольное кокетство и призрачная фата на голове, действовали, как и положено: Наташу решительно увели на этаж ниже.

Память иногда стирает неприятные моменты жизни, за что мы ей благодарны. Помнится, слившись с блондином в страстном поцелуе, ввалилась в пустую темную аудиторию. А через некоторое время пришлось пресекать активные попытки сопящего псевдоарийца устроить секс прямо на скрипучей парте. Детали растворились во времени, но с тех пор напористые мужчины вызвали тошнотворную панику. Наташа сразу обрастала панцирем броненосца и убегала от близкого контакта.

Сейчас ситуация повторялась почти один в один. На секунду показалось, сейчас перед глазами возникнет тот самый институтский коридор. Но, всего лишь, вышли на улицу. Саша

галантно положил руку себе на сгиб локтя и, не торопясь, начал прохаживаться вдоль здания. В воздухе висело что-то среднее между морозящим дождем и туманом. Сразу стало зябко и пробила мелкая дрожь. Большею частью от волнения, а не от холода. Нет ничего хуже, чем зависеть от настроения незнакомого человека, тем более мужчины. Просыпаются все древние женские инстинкты, начинаешь чувствовать себя маленькой и слабой.

– Итак, Наташа, почему я вывел тебя на улицу. – Голос после бара казался глуше и уже не таким резким. – Мне надо проветриться перед тем, как начать разговаривать.

Остановился и развел руками в стороны. – А я пьян. Блин, столько приготовил вопросов и нажрался, как пацан!

Саша засунул руки в карманы и повернулся спиной к Наташе. Вообще не понятно, что происходит. Театр одного актера, причем хренового.

Наташа в неясно разворачивающихся ситуациях полагалась только на характер. В двенадцать лет, увлеклась английским языком. Как бусинки на ниточки потянулось все, что характеризует законченного «англомана». Чай надо наливать в молоко – так вкуснее. вежливый разговор начинается с обсуждения погоды, а, самое главное, настоящая леди должна скрывать эмоции как можно тщательнее, чтобы не уронить достоинство. Год за годом, примеряя чопорность и выдержку англичан, дошла до того, что такой и стала. Кто Наташу плохо знал, обвиняли в холодности и отстраненности. На самом деле – чаще всего элементарная самооборона. Вот и сейчас, тихо обалдевая от происходящего, внешне оставалась спокойной.

Минуты молчания повисали в ночном воздухе шаровыми молниями. Еще немного и не останется свободного пространства, все будет наэлектризовано Сашинной паузой. Страшно пошевелиться, чтобы не ударило током.

– Наташ, фигня какая-то, да? – Саша, наконец, сказал хоть что-то и повернулся. Улыбаться перестал. Не с этим человеком послушно выходила из бара...

Стало холодно и пусто. Итак, здравствуй, привычное разочарование, как всегда приходящее в итоге общения с мужским полом.

– Я уже поняла. Ну, пойду тогда обратно. Продолжу вечер.

– Подожди.

Саша взял за локоть, силой остановил. – Немного по-другому представлял нашу встречу. Не люблю, когда все идет не по плану, поэтому предлагаю повторить. Но в другом месте и, желательно, без алкоголя.

Из бара вышла Лариса и остановилась на крыльце.

– Лорик, привет. Мы не успели поговорить, я перебрал виски.

– Я тебя слышала, но... может не стоит? – Наташа высвободила руку и пошла к подруге. Поскорее прекратить нелепый фарс и избавиться от пьяных извинений.

– Я сообщу, когда смогу встретиться.

Шаг сбился, глаза Наташи округлились от такой наглости. «Он сообщит, когда сможет встретиться»? Не поворачиваясь, ответила: «Хорошо». Это исключительно из вежливости, потому что внутри начала закипать. Вечер испорчен безнадежно и все благодаря Лариске, которая в очередной раз устроила паршивую авантюру. Свидание, блин, вслепую. С каким-то самоуверенным хамом. Вот точно, не дворник и не ученый, а псих. Самый настоящий, да еще и ведет себя как хозяин мира.

– Лариса, не вздумай потребовать продолжения банкета. Я готова тебя закопать голыми руками в асфальт. – Свистящим шепотом Наташа наконец-то позволила выпустить пар. – Что это за хрень?!

Лариса с безучастным видом смотрела вдаль. Реакции на Наташино шипение не последовало. Притвориться глухонемой, да в придачу внезапно ослепнуть, неужели считает самый правильный способ отделаться от подруги? Грубо и несправедливо.

Мимо прошел Саша, чуть не толкнув Наташу плечом, бросил небрежно, – Пока, девчонки.

Лариса закурила и достала телефон, – Я вызываю такси. Объяснять долго, но как получилось, так получилось. Нат, не грузись, все нормально. Давай по домам. – Голос ровный, расслабленный, ни одной нотки вины нет и в помине.

– Это все, что ты можешь сказать? Меня сейчас просто размазали как женщину! Причем, с твоей легкой руки, дражайшая подруга. Оказывается, что даже с пьяным не могу по-человечески познакомиться?! Нет столько виски, чтобы согласиться продолжить общение со мной!

Наташа тоже закурила, неожиданно захотелось зареветь – быстро глаза в небо! Не дождутся Лариса с алкоголиком Сашей ни слезинки! Сил хватит, чтобы пережить. Слезы подступили не от обиды, сложно обидеться на очередного хама, проскочившего метеором по вечеру. Разозлилась – да. Очень сильно! На него, на себя, на Лариску, даже на дождь.

Реветь хотелось еще от напряжения, и возбуждения, в конце концов. Десять минут ее трогал мужчина, стоял почти вплотную. Такого не случалось очень давно, если не принимать во внимание танец на новогоднем вечере в институте с молодым преподавателем испанского. Путаясь в руках, ногах, словах и окончаниях, пригласил Наташу на танец.

Под перепевку «Осенних листьев» Пугачевой – любимой песни ректора Маргариты Самуиловны – вокруг летали вальсирующие пары. Сама она, всегда напоминавшая Наташе Софью Кюри, страшненькая, но элегантная умная женщина, самозабвенно и легко танцевала с мужем, вызывая искреннюю белую зависть. Потому что, перетаптываясь с ноги на ногу, чувствуя худенькие ручонки двадцатипятилетнего юноши на талии, сложно заявить «я танцую с мужчиной».

После танца Наташа выпила два бокала шампанского и сама уже пригласила «племя младое и незнакомое» во второй раз на глазах у всех потоптаться в обнимку. Целью являлось одно, провести эксперимент: если шампанское ударило в голову, может, проснется женщина? Но, как видно, в случае с «испанцем» Наташина «секси-вумен» предпочла вздремнуть.

Лариса вызвала такси, поругавшись с диспетчером. Талант – на пустом месте устраивать скандал. Наташа вдруг отчетливо поняла, не хочет уезжать домой, в пустую квартиру, а хочет вернуться обратно, найти этого Сашу и пусть пьяный, пусть какой угодно, снова держит за локти и говорит... да хоть скороговорки! Бред... забыть поскорее, подсказывал разум, но руки ломило от желания вновь почувствовать прикосновения. В медицине есть такое понятие: фантомные боли. Когда ногу или руку ампутировали, а человек продолжает чувствовать, и отсутствующая конечность может даже болеть.

Отличное определение произошедшему: всего лишь фантом мужчины, который мог быть рядом. Мираж. Значит надо забыть поскорее, стряхнуть наваждение и домой, в спасительный реальный оазис.

– Наташ, есть жвачка? – Лариса, как видно, извиняться не собиралась.

– Это все, что ты хочешь сказать? – Наташа протянула «Орбит».

– У тебя только мятный? – Лариска «включила дурочку», поговорить сейчас не удастся. – Давай пойдем вовнутрь, холодно ужасно. Там подождем.

Когда снова вернулись в «The Hat», наматывая нервы на смычок, отчаянно рыдала скрипка. Показалось, в толпе мелькнул Сашин затылок. Бросив Ларису, ретировалась в туалет, в кабинке закрыла дверь и навалилась спиной, как будто кто-нибудь мог догнать и взломать. Если можно щелкнуть пальцами: раз! И в секунду оказаться дома! Самое ужасное сейчас – встретить Сашу вновь. От мысли, что может натолкнуться на него, выходя к такси, похолодела до кончиков волос. Один из немногих мужчин, от которого после нескольких минут общения «в животе полетели бабочки». Наташа чувствовала себя победительницей

на соревнованиях среди женщин по количеству неудачных свиданий. Саша, несомненно, – Гран при.

Казалось бы, так просто сказать человеку, что он очень нравится тебе? Как в детстве, подходишь к мальчику: «Давай дружить, как зовут?». И все счастливы. Но это в детстве. А взрослые сначала придумают в умной голове всевозможные варианты, доведут до абсурда, услышат внутренним ухом насмешку и остывают, так и не сказав. Конечно, можно просто так признаться в симпатии, но лишь в том случае, когда человек по большому счету безразличен или просто хороший знакомый. А если примешивается хоть чуть-чуть страсти, вожделения, не дай бог, любви! Все приобретает совершенно другой смысл. Этому даже придумали красивое объяснение: «обнажить душу».

Наташа с мощным эхом по подъезду захлопнула дверь в квартиру. Потом повернулась и со злостью закрылась на все замки, на которые только получилось. Даже подергала старую сломанную задвижку, прикрученную папой лет тридцать назад.

Возвращаясь домой в такси, сидела, отвернувшись в окно. Лариса, зная, что может попасть под горячую руку, молчала, как будто воды в рот набрала. Больше похоже на предательство! Измену многолетней дружбе, чем на участие в судьбе подруги. Меньше всего такого ожидала от Ларисы. Все чаще Наташа замечала, что ее одиночество становится неприятной проблемой для окружающих. Коллеги, собираясь на неформальный выезд на природу, могли не позвать с собой. Все едут парами, а ее надо будет развлекать. Вариант, что Наташа могла сидеть одна или гулять вдали от основной тусовки, всех напрягал: «Ты обиделась? Что случилось? Почему ты ушла?» Конечно же знакомые доброжелательно пытались свести с мужчинами, ничего хорошего из этого никогда не получалось. Сегодняшний случай – не исключение, а подтверждение правила. Нельзя влюбиться по чьему-то желанию. Химия не возникает из потребности человека иметь пару.

Общество считает, что женщина без мужчины в обществе считается бесполезной единицей, да что там – круглый социальный ноль. И, несмотря на множество поводов для общения, которые дает двадцать первый век: кафе, концерты, социальные сети, всевозможные клубы по интересам, возможность путешествовать и общаться с кем угодно, – одиноких по-прежнему очень много. Помимо всех благ, цивилизация вырастила монстра – феминисток. Они уравнили женщин в силе и желаниях с мужским полом и отняли достоинства – женственность и незащищенность. Все, что сейчас происходит – результат цепной реакции, падает одна «доминошка», роняет другую. Упали все. Красиво, но упали.

Если пробежаться по знакомым, то только процентов тридцать «глубоко замужем», а остальные либо в разводе, либо просто одни. Всегда. Значит должно быть и много мужчин без пары? Но таких практически нет. Или они не подают виду и рассказывают сказки про насыщенную личную жизнь: «Была одна... да мы расстались, сейчас с другой». Промежутка на одиночество не бывает. Их никто не стремится срочно женить, втайне многие завидуют управляемой свободе. Но если девушке стукнуло двадцать четыре, и она не обзавелась парнем, все начинают жалеть и пристраивать. «В хорошие руки...»

В темных комнатах никто не ждал. Не очень-то выгодно рождаться поздним ребенком. Родители решили завести Наташу в сознательном возрасте, уже под сорок. Она росла очень спокойным и серьезным ребенком, поздней любимой игрушкой, принцессой для всех. Папа ласково называл: «Моя лебединая песня». Но в то же время, внимание взрослых сосредотачивалось на брате Сергее, который на пятнадцать лет старше Наташи. Надо выучить, женить, обеспечить жильем. Родители делали все возможное в нищие восьмидесятые, тянули как могли.

Похоронив десять лет назад папу, а потом через пять – маму, с остались с братом одни. У него крепкая семья, небольшая квартира почти в центре Москвы, стабильный бизнес, у Наташи так и ничего не сложилось, жизнь особо ничем и не наполнилась, самые яркие

моменты и победы – работа, институт, студенты. Старалась поменьше обращаться к Сергею за помощью, хочется казаться самостоятельной. Но вот в такие моменты, когда душа и разум в смятении, так важно, чтобы рядом оказался близкий человек. Звонить Сергуне в час ночи – глупость. По-прежнему к ней относился как к маленькой девчонке, журил за поступки, как это делал бы папа слово в слово. Именно в том, что Наташа – Тата, как называла вся семья, – так и «не выросла», ничего «не хочет добиваться», видел причину ее одиночества. Да и что рассказывать? Обидела лучшая подруга? Или разозлилась на весь мир и мужиков? Сама до конца не разобралась...

\* \* \*

Утром, Наташа, медленно выходя из сонного оцепенения, поняла, что уснула, даже не переодевшись и не расправив постель. Так и проспала всю ночь, завернувшись в покрывало, которым заправлена кровать..

Душ, кофе, бутерброд с сыром, халат в горошек, бабушкины носки вернули в реальность. Первое, что сделала – дозвонилась до ближайшей парикмахерской и отправилась приводить себя в порядок.

От вчерашнего вечера остался на душе неприятный осадок. Похоже на то, когда после ангины начинаешь выздоравливать, но в горле иногда скребет. Воспоминания всплывали яркими цветными открытками, вызывая острые приступы досады и сожаления, но Наташа гнала прочь, не чувствуя готовности анализировать.

Одно возвращалось чаще других: Сашины руки... Непонятно, на каком уровне подсознания надо провести генеральную уборку, чтобы уничтожить физическое ощущение тепла его ладоней.

Сидя в кресле с нанесенной на волосы краской, доходя «до кондиции», расслабленно слушала болтовню парикмахерши с посетительницей. Молодящаяся женщина лет пятидесяти рассказывала про сына. Избалованный двадцатилетний Денис достался в руки девушке старше на 3 года. «Молодец, девчонка, хорошо готовит, а то он что попало есть не станет. Я вообще его расповатила. Пупсик спит сладко, а я, перед тем, как разбудить, пяточки маленькие, глажу, целую, носочки теплые одену, чтобы ножки не застудил, когда по холодному полу пойдет. Так представьте, девочка тоже ему ноги гладит, носки одевает. Дениска рассказывает, а меня смех разбирает! Как представлю волосатые лапы сорок четвертого размера, торчащие из-под одеяла!» Все женщины в салоне одобрительно засмеялись, даже послышалось: «Молодец, и правда, хорошая жена будет сыну». Наташа почему-то представила, что в кровати лежит вчерашний новый знакомый Саша, а она одевает ему бабушкины шерстяные носки. Сумасшедший дом какой-то! Неужели она одна, среди всех присутствующих в салоне, если ее не читать, то восемь человек, думает, что это ни фигу не умилительно, а ужасно?! Да что там, унизительно! Позволять любимой женщине превращаться в свою мать.

В кармане зазвонил телефон, номер незнакомый. Брать не хотелось, но могло быть предложение заняться репетиторством. Периодически давала объявления, лишние деньги не помешают. В следующую секунду на нее вылили не ведро, а целую цистерну ледяной воды:

– Наталья, здравствуйте. Это Александр, знакомый Ларисы. Мы вчера в баре пообщались... не совсем удачно... Вы меня помните?

Первым родилось отчаянное желание выключить телефон, потому что не знала, как ответить. «Не просто помню, а только и думаю о тебе каждую секунду», – вот так? А что такого? Ведь это правда...

До этой минуты удавалось оставаться более-менее спокойной, не рефлексировать по поводу вчерашней сумбурной встречи. Есть такая буква в алфавите: самоедство. Зная тайный грешок укусить себя побольнее, подавляла желание проанализировать, рассмотреть с разных сторон, разобраться в произошедшем, в конце концов. Все равно виноватой сделала бы себя...

Пока лихой поезд мыслей и сумбурных эмоций с визгом на крутых поворотах носился в голове, Наташа растерянно молчала и лишь крепче прижимала, вымазывая краской для волос, телефон к уху.

– Алло, Наталья, Вы меня слышите? – Предельно вежлив, но даже тени смущения, улыбки, ну или что еще мог чувствовать после вчерашнего, в голосе не присутствовало.

– Да, здравствуйте, я слышу. – Опять, как и вчера в баре, голос осип, выдавая волнение.

– Понимаю, что говорить Вам со мной не очень хочется. Но нам надо встретиться.

– А зачем? – Глупее такого вопроса мужчине, который хочет тебя видеть, придумать уже, кажется нельзя. Наташа закусила губу в ожидании коротких гудков в телефоне.

– Все-таки хочу продолжить наш разговор. Это, действительно, важно. Вы сегодня сможете? Где-то часа в два.

Если сейчас двадцать минут двенадцатого, примерно через два с половиной... да, рано-вато для свидания. Значит, будет встреча другого рода? Опять повторить глупый вопрос: «Зачем?» Решила не рисковать:

– Да, смогу, где встретимся?

– Удобно будет в Кофе-Хауз подъехать на Маяковского? Вы на машине?

Наташа опять посмотрела на часы. Времени хватит только на дорогу к месту встречи. Домой уже не получится заскочить, чтобы привести себя в тот вид, в котором ходят на свидания.

– На метро, у меня нет машины. Постараюсь успеть, я немного занята сейчас...

– Я понял. Хорошо, до встречи. Буду ждать.

«Буду ждать» – выстукивала каблуками, когда шла к станции. «Буду-ждать-буду-ждать» чеканил поезд в тоннелях метро, набирая воздуха на поворотах, чтобы продолжить: «буду-ждать-буду-ждать».

Когда Наташа подходила к кафе, поняла, что пришла неприлично рано. Времени до встречи, которая в финале могла оказаться чем угодно, оставалось около двадцати минут. Пометавшись между помещениями для курящих и для сторонников здорового образа жизни, решила сесть, где привычнее. Нет смысла скрывать, если не курит – его проблемы. Следуя логике событий, Саша срочно должен оказаться покладистым и принести с собой хоть одно маленькое вымученное извинение. Хотелось бы, по крайней мере.

Наташа заказала «американо». Кофе с сигаретой, в предвкушении встречи с мужчиной, на котором сосредоточены мысли целого дня, – альтернатива «Новопассита».

Субботний Питер после вчерашнего унылого дождя выглядел посвежевшим и радостным. Сквозь торжественно пуховые облака неназойливо грело солнце. Группками бродили туристы, отличаясь от местных жителей особенной манерой ходить: боком, приставными шагами, не глядя вперед, только по сторонам и верх. Лохматый парень с намотанным на шею большим красным шарфом сфотографировал Наташу через окно. «Что ж, деталь пейзажа – знакомая роль, почему бы и нет».

Нет ничего хуже ожидания.

Благолепие на улице ничуть не влияло на настроение Наташи: чем дольше ждет Сашу, тем сильнее ладошки начинают потеть, а в солнечном сплетении предательски холодеет. Надо успокоиться. Страшно, как в тот день, когда папа открутил маленькие колесики с велосипеда, и больше ничего не уберегало от падений. Встреча пугала ничуть не меньше. Так растерянно давно не чувствовала: одета проще некуда, без макияжа, радовало только одно, что после салона голова была в полном порядке: стрижена, крашена, уложена. Вот только в голове – пусто.

На другой стороне улицы припарковался светло-серый большой BMW, из него вышел Саша. Или Александр, как он сегодня себя величал. Серый костюм, голубая рубашка с расстегнутым воротом, и, к сожалению, та же небритость, только на день старше. Судя по слиш-

ком решительной и быстрой походке, свиданием и не пахло. Шел как на войну. Телефон заорал «Fire», заставив вздрогнуть как от пушечного выстрела, зачем только поставила Скутера на входящие?

– Наталья, Вы где?

– Я в кафе. Идите в курящую зону.

Перед глазами плыло, сердце выскакивало из груди, а всего лишь за столик садится мужчина, который вчера ее обнимал. Ну, или хотелось думать, что обнимал.

Официант принес кофе, пока говорила «спасибо», Александр быстро сказал «то же самое принесите». Брякнув с размаху об стол айфоном, достал сигареты и закурил. Все движения резкие, нервные. Даже то, как пододвинул к себе пепельницу больше походило на боевые действия, чем на «посидим в кафе, кофейку попьем, я тут хотел извиниться за поведение...».

– Хорошо выглядите, приятно посмотреть. – Откинувшись в кресле, без стеснения разглядывал в упор, глаза казались почти черными. Злыми.

– Спасибо, Вы тоже неплохо смотрите в деловом костюме в субботу. – Наташа поняла, что лучше «отзеркаливать» тон, чем пытаться быть милой. Нарочито выделила «Вы».

– Я на работе.

Наташа кивнула, сделав вид, будто поняла, о чем идет речь. Привычная язвительность помогла немного сконцентрироваться и отпить горячий кофе. Почти удалось не обжечься. Первый этап пройден. Он здесь, напротив, на расстоянии вытянутой руки. Не надо быть психологом, чтобы понять: нервничают оба. Причем Саша-Александр не пытается скрыть нервозность. В отличие от Наташи, которая, утонув в кружке с «американо», лихорадочно готовится к непринужденной беседе и вспоминает навыки светской женщины.

Первая заготовка уже есть. Надо посмотреть в глаза и милостиво промолвить: «По поводу вчерашнего вечера хочу сказать, я уже все забыла, но повторения не хочется». Выслушать несвязные, возможно грубые извинения, махнуть рукой, мол, достаточно, начинаем с чистого листа. Ну а потом, в продолжение, можно поговорить на тему работы по субботам. В строгом костюме. Будем надеяться, что не похоронный агент.

Наташа привычно проживала ситуацию внутри себя, в фантазиях. Вслух не произнесена еще ни одна фраза, неуверенность как всегда мешала начать первой. Александр курил и смотрел в упор. Молчание затягивалось, но его это совершенно не смущало. Похоже что «мхатовские паузы» – часть имиджа, для пущей важности.

Наташа, пока Саша молчал, в заготовках светской беседы начала уже склоняться к тому, что извиняться придется ей. Принесли «американо». Отпил и поморщился:

– Как Вы пьете эту гадость? Хоть бы сахар добавили.

Наташа начала лихорадочно придумывать, чтобы ответить, но следующий вопрос оказался еще круче предыдущего:

– И, кстати, ВАМ действительно нравится, что к ВАМ я обращаюсь на «ВЫ»? – Саша подчеркнул все «вежливые» слова так, что они стали просто глупыми обидными.

Наташа почувствовала, что начинает густо краснеть. Вот это высший пилотаж! Так давно еще никто не хамил. Все готовые фразы одним махом сметены в мусорную корзину. Беседа, так и не начавшись, перескочила в новое, неведомое русло. Невозможно просчитать даже на полхода вперед. Мрачно буркнула в ответ:

– Я помню, вчера мы быстро съехали на «ты», можешь продолжать в том же духе. Я уже смирилась.

– О, полегчало. Спасибо. Я смутно припоминаю, хоть и старался быть вежливым, беседа не получилась. – Он хлебнул кофе и опять поморщился. – Характер у тебя жесткий, наверное, если такую горечь пьешь.

– Новый способ гадания на кофейной гуще?

– Смешно. Да, наверное, так.

Александр улыбнулся и, наконец-то, перестал смотреть в упор. Перевел взгляд в окно и застыл неподвижно.

Наташа по-прежнему не знала, что и думать о происходящем. Опять пауза. Кругом редкие посетители кафе бубнят друг другу всякие приятности, по крайней мере, похоже на общение. За их столиком – лишь шорох пачки сигарет, которую Саша постоянно крутит по столу волчком. Нарисованная в воображении светская дама, слегка прикоснувшись тонкой рукой к идеальной прическе, фыркнула и, стуча тонкими каблучками, отправилась прочь, оставив неуклюжую училку-ботаничку одну на поле боя. Мол, сама разбирайся с неуравновешенными мужиками, а мне пора!

– Наташ, я хотел поговорить об очень важном деле. Лариса сказала, что ты можешь помочь и ответишь на все вопросы. Ты давно ее знаешь? – Глядя по-прежнему в окно, Саша начал нервно выстукивать по сигаретной пачке быстрый рваный ритм.

– Ларису? – Вот теперь осталось только понять, причем здесь Лора. – С института. Уже почти... кажется шестнадцать лет. А причем здесь она?

\* \* \*

Все, что потом услышала, не сумело с первого раза вписаться в существовавшую до этого картину мира.

Саша подвез до дома, сказал «большое спасибо за беседу и за помощь». Тем же самым ответить не смогла.

Весь оставшийся день и вечер Наташа драила паркет, перемыла мебель во всех трех комнатах. Специально изматывала себя, чтобы то, о чем думала, не казалось тяжелее физической усталости. Все время крутила сказанное Александром в голове, не хотелось верить, что это теперь часть и ее жизни. Пазл оказался посложнее всех ребусов, какие раньше приходилось решать.

Лариска подошла в институте первой. Наташа стояла у подоконника и грела руки на батарее, мечтая оказаться где-нибудь на юге, зарывшись в горячий песок окоченевшим тельцем.

– У тебя красивая курточка. Правда, красивая. – Лариса провела рукой по Наташиному плечу. Папа привез из Румынии цветастый укороченный джинсовый пиджак, в 90-е просто нереальный писк моды. Сейчас висел в шкафу и приобретал с годами благородный шарм. – Меня Лариса зовут, а тебя?

– Наташа. Спасибо за комплимент.

Они встретились глазами, и на душе потеплело, зимний холод улетучился из институтского коридора. Так бывает, когда встречаешь близкого друга, еще и не подозревая об этом.

Лариса перевелась в зимнюю сессию на второй курс из Алма-Атинского университета. Вместе с мамой и бабушкой переехала из Казахстана в Россию, как и многие русские семьи, боявшиеся оставаться в бывшей советской республике.

Оказалось, что Лора намного сильнее всех, кто считался отличниками в их группе. Пытливый ум и дерзость давали неоспоримые преимущества: положительное внимание преподавателей и лучшие оценки. К ней тянулись многие, но дружила только с Наташей, остальным позволяла быть рядом, но это ничуть никого не смущало, наоборот, прощалось все и всеми.

Помимо ума, Лариса выделялась красотой. Но не той пластмассовой, которая сейчас в почете у молодежи, а настоящей, истинно русской. Роскошные русые длинные вьющиеся волосы, серые глаза, опущенные густыми длинными ресницами, светлая теплая улыбка, никогда не покидающая лица. Стройную женственную фигуру, Лариса умело подчеркивала нарядами, которые шили мама и бабушка. И, в придачу ко всем достоинствам – непоседли-

вый характер и множество идей, закручивающих в водоворот событий всех, кто оказывался рядом. Мужское население отделения английского языка от первого до пятого курса моментально влюбились и постоянно, как чайки, кружили рядом с Ларисой.

С появлением Ларисы, Наташина жизнь приобрела совершенно новые яркие краски, появился тот самый драйв, которого не получала от приличных друзей – детей из круга знакомых родителей. Сколько пикантных историй Наташа узнала, благодаря Лоре; еще до первой ночи с мужчиной, стало известно, как все происходит в невероятно романтических подробностях. Фантазия Ларисы украшала любой самый банальный рассказ. Тонкие оттенки пикантных нюансов будоражили Наташино девичье воображение.

Наташа не гуляла просто так во дворе, все общение строилось на дружеских вечеринках в семейном кругу. Все дети общались друг с другом, пока не выросли и не начали уходить из жизни родители. Как оказалось, что они-то и являлись тем связующим звеном, а совсем не такая же искренняя дружба между их отпрысками. Чтобы зародились близкие отношения, нужен совместный риск, иногда горе или ссора для проверки, насколько нить крепка. Под крылом родителей дружилась гладко, конфликты быстро утихали, адреналин не в почете. Так же тихо и без особых сожалений все разошлись по разным дорогам в жизни. В результате у Наташи осталась лишь одна Лариса, которая не давала сморщиться от одиночества и вялой череды дней. Как она говорила: «Наташа, ты – моя муза для авантюры! Так плавно жить я не могу. Глядя на тебя, понимаю: нужна волна! И всю жизнь я посвящаю тебе!» Такой эпиграф к их совместной повести Наташу устраивал, подруге доверяла полностью. Лариса всегда жила за них двоих, прокладывая новые пути, идти за ней легко, хоть и страшновато иногда.

\* \* \*

Саша шумно вздохнул:

– Да-а, из тебя клещами приходится вытаскивать. Я тоже знаю Ларису больше десяти лет. Странно, что нас не познакомила раньше, хотя часто про тебя рассказывала. Когда они приехали из Казахстана, мы жили на одной площадке. После смерти бабушки, они с мамой разменяли квартиру и уехали из нашего дома. Мы иногда встречаемся, вспоминаем молодость. Однажды я даже пытался за Лорой ухаживать. Влюбился, цветы дарил, а она только улыбалась. Знаешь, как меня зовет? – Кривая усмешка, не улыбка, новая сигарета. – Сашка-букашка. А потом женился.

Он глубоко затаился и медленно выдохнул:

– Ты знала, что Лариса живет с женщиной?

– С мамой? – Наташа не поняла вопроса. Это у него такой юмор?

– Да нет. От мамы давно отдельно существует. Лариса живет с молодой женщиной. Ее зовут Эльвира.

– Нет. Я не знаю никакую Эльвиру. – Наташа упорно отказывалась понимать, что он говорит. – Она сдает комнату?

– Да уж, придется Лоре большое спасибо сказать. – Саша замолчал.

Воздух вокруг медленно становится стеклянным, музыка в кафе затихает. Саша резко, толкнув стол, наклонился вперед:

– Ты все-таки такая наивная, как я и ожидал. Лариса и Эльвира – пара: муж и жена, жена и муж, невеста и... невеста, они любят друг друга. Ты хочешь узнать, как таких женщин называют!? Тебе сказать? Или сама вспомнишь?! – Он схватил чашки с «американо» и несколько раз стукнул друг об друга. Кофе волной выплеснулось на салфетки.

– Я не знала ничего. Она хотела выйти замуж за шведа... Карлсона... кажется... Она ничего не рассказывала. – Наташа боялась пошевелиться, чтобы не разбить воздух вокруг. Пусть вообще все остановится и вернется на два дня раньше. Никакой «Шляпы»!

– Отлично, подруги просто зашибись! Эльвира и Лора хотели эмигрировать в Швецию и официально пожениться. Карлсон – подопытный кролик. Всего лишь повод. Так, теперь ты знаешь уже больше.

Саша сильно ударил ребром ладони по столешнице:

– Поехали дальше. Лариса хочет от меня ребенка. Я не знаю, что делать. Ты должна сказать, как подруга, что от нее ждать. Она вообще не шизофреник? Может сотрудник клиники суррогатного материнства или торгует органами?

– Органами? Ребенка? Какого ребенка? – Она уже почти шептала.

– Наташа, ты не в себе? Какие бывают дети, ты знаешь? Ты хоть одного ребенка в жизни видела? – он переходил на крик.

– Саша, не кричи, пожалуйста, – Наташа умоляюще на него посмотрела, – я очень плохо понимаю, что ты говоришь.

– Ладно, если я в шоке, то каково тебе все это слышать в первый раз. Мне хотя бы неделю назад сообщили. Кофе выпей, приди в себя.

Наташа послушно отхлебнула «американо», закурила. Стекло вокруг снова становилось воздухом, можно дышать не порезавшись. Реальность постепенно возвращалась, но уже не та, которая была некоторое время назад. Саша, рассматриваемый совсем недавно как потенциальное тепло в Наташиной спальне, – мужчина Ларисы. Или просто будущий отец ребенка. Вообще ничего не понятно, кто такой, но уже чужой... За какие-то пару минут стал недосыгаем как «Бентли», в котором уезжает тощая блондинка в розовых сапогах на шпильке. Мысли металась на крутых поворотах, не находя ничего мало-мальски похожего на здравый смысл и внятные объяснения услышанному. Одновременно закончились две истории: до Наташи, с его проблемами, как до лампочки; Лариска скрыла, что «играет за другую команду», в которой есть Эльвира. Ее невеста... или жених... сюрреализм какой-то.

– Как давно она с этой Эльвирой живет? – Хоть что-нибудь спросить, не молчать.

– Уже почти два года. В Новый год у них дата какая-то: то ли познакомились, то ли переспали, я не помню. Они решили теперь завести ребенка, меня выбрали как донора. Племенного быка нашли... – Желваки заходили по лицу. – Протест у них против закона о запрете пропаганды гомосексуализма. Решили доказать, что они – нормальная ячейка общества. Я здесь причем? Понимаешь, если бы Ларису не знал так долго, то послал ...

– А ты с ней раньше не спал?

– Нет, ничего не было, просто общались. Ну, как-то, еще в студенчестве на вечеринке целовались по-пьяному делу, но до секса не дошло. Ржать начали и ничего не получилось. Хотя мне всегда нравилась, особенно ее грудь. Тебя она всегда жалела, что ты такая серенькая, неприметная...

– Жалела? – Вот это уже очень было слышать просто невыносимо. Наташа зачем-то достала из сумочки пудреницу и стала себя разглядывать. Руки тряслись, еще немного и могла заплакать, чтобы хоть как-то успокоиться, попыталась пошутить, – Я с ней не согласна, я очень красивая.

Она подняла глаза на Сашу, но лучше бы не видеть сейчас его выражение лица. Брови домиком, еще немного и этот племенной бык будет ржать как племенной конь.

– Ты понимаешь, что речь-то совсем не о тебе? Извини, я сказал что-то обидное, но если тебя утешит, я с Ларисой не согласен, ты совсем не серенькая, а каштановая. Вот встретил лет пять-семь назад, то поукаживал бы за тобой.

– Конечно речь не обо мне. Особенно сейчас, когда лет эдак семь на моем лице оставили столько отпечатков. – Подбородок все-таки задрожал, – задай мне вопрос, чтобы я смогла уже не о себе любимой начать говорить.

– Ладно, я несу какую-то ерунду, уже сам начинаю понимать. – Саша облокотился на стол, шумно вздохнул, его взгляд снова потяжелел, – Лариса мне сказала, что никаких обя-

зательств на меня не возлагает. Нужно только переспать в подходящий момент, или, если я не хочу по-простому, сходить в клинику по оплодотворению и стать донором. Выбор процедуры за мной, если я соглашусь, то пойду лучше к доктору. А я еще не согласился. Но и не отказал. От того, что придется ложиться с ней в кровать под пристальным взглядом Эльвиры, у меня вряд ли встанет. Возникает вопрос: кто будет платить? Клиника – это дорого для Ларисы, я мог бы оплатить, но обе бабы против. Так я начинаю вмешиваться в их семью, принимать участие в судьбе будущего ребенка и прочее бла-бла. Ты мне вот что скажи, способна Лариса потом повесить на меня все отцовские заботы? Что вообще мне делать? Генетическую экспертизу никто не отменял...

Горячие итальянцы меньше жестикулируют, чем он сейчас.

– Саш, подожди. – Пришлось остановить сбивчивый монолог, пока не начал выдирать себе волосы, – Понимаю, о чем ты... что тебя волнует и весь масштаб происходящего. Кажется, понимаю... Для меня это как гром среди ясного неба, не смогу ничего сказать вразумительного сегодня. Обещаю во всем разобраться, но должна все хотя бы понять. Не то, чтобы принять. Понимаешь меня? – Наташе хотелось немедленно исчезнуть. Желательно во вчерашний вечер и отказать Ларисе поехать в «Шляпу». Вернуть все на привычные рельсы и перестать катиться беспомощным паравозиком под откос. – Дай мне время.

Ага, понял, – Он откинулся на спинку стула и забарабанил пальцами. – Ладно, давай закругляться. Позвони, как придумаешь. Вразумительное. Вразумишь меня. Слово-то какое ужасное. В разум вставить, да?

«Все еще суббота, всего лишь день перед воскресеньем. Но, кажется, что за несколько часов пролетело полжизни. Новой. Незнакомой, в которой нет ничего привычного и родного, что ощущалось раньше. Поэтому будем считать, что сегодня первый день начала уже этой, другой жизни».

Наташа лежала на диване в гостиной и разглядывала хрустальную люстру. Если сильно дунуть, то хрустальные подвески начинают тихонько раскачиваться, играя тонкими нитями лучей света и запуская солнечных зайчиков на потолок. Вспомнилось, как мама с гордостью рассказывала, как отдала 10 рублей сверху цены знакомой продавщице из магазина, чтобы та отложила люстру, которая и так стоила почти 120 рублей. Для семьи это бешеные деньги, но мама хотела, чтобы гостиная была похожа на светский салон. К люстре был куплен, с черного входа мебельного магазина, огромный бардовый диван и такого же цвета шелковая китайская скатерть на круглый стол, украшенная тяжелой бахромой, птицами и цветами. Наташа смотрела на хрустальные бусинки и думала, насколько жизнь хрупка по сравнению с этими стекляшками. За прошедшие сутки ее насильно депортировали в другой мир, ничего как прежде не будет. И самое ужасное, придется принимать решение за других. Сказать, мол, разбирайтесь сами, это не вариант. Слишком близко все находится от нее и очень страшно отмахнуться. И Лариса, и Саша после отказа в помощи, быстро забудут о ней. В этом Наташа не сомневалась. Теперь понятно, почему Лора так надолго пропадала и не звонила, не вытаскивала на девичьи посиделки. Она стала замужней дамой, если уместно так называть существующие отношения с Эльвирой. Обидно и непонятно, почему ничего об этом не говорила? Никогда. Ничем не выдавала свою иную сущность. Наоборот, все разговоры крутились вокруг мужчин, соблазнения, приемов кокетства. Наташу обдало холодом: «Она это делала ради меня. Потому что меня это интересовало. Лора просто поддерживала диалог и, из желания помочь, будоражила воображение. Ей было меня жалко, поэтому примером подстегивала на решительные действия. Будила женское начало?!»

Наташу подкинуло с дивана. Закружила по комнатам, произвольно возникло желание сбежать от унижительной ситуации. На кухне уперлась лбом в стекло. Голова горячая, как духовка, в которой пекся гигантский пирог. В коридоре заорал Скутер: «Fire». Как в точку, но звонок идиотский. Номер незнакомый:

– Наташа, привет. Ну как? Что скажешь? – вот черт, забыла сохранить в память телефона Сашин номер.

– Ничего не скажу. Я ничего не знаю. То есть, хотела сказать, что не могу пока ничего сказать.

– Понял, пока. – Он отключился. На редкость содержательный диалог...

Медленно положила телефон на подоконник. Не сбежать, пока в ней нуждается хотя бы один человек. Теперь ясно, насколько ему важно знать, что Наташа думает. Как на лезвии бритвы, которое его режет пополам, кричит о помощи, чтобы столкнули хоть в какую-нибудь сторону. «Необходимо помочь, потому что он нужен мне».

Наташа застыла. Впервые она про себя произнесла «он нужен мне». Как это оказывается больно, потерять, так и не ощутив до конца радости обладания. Саша мог быть больше, чем проблема. Почему «мог»? Еще может быть ближе, чем сейчас. Если схитрить. Ситуация приобретала новые очертания: ребенок Ларисы и Эльвиры от Саши еще только проект. Во время свидания с откровениями, хоть и коряво, но выразил мысль, что Наташа ему симпатична, чуть-чуть... Значит, не все потеряно и не поздно сыграть в свою пользу: постепенно, в общении на тему Ларисы, убедить не делать глупостей на всю оставшуюся жизнь, приручить к своему присутствию, и начать строить отношения. Жалости к Ларисе она не испытывала после предательства многолетней дружбы. Но если ничего не получится, и у Ларисы будет его ребенок... Сможет ли Наташа спокойно смотреть, как растет малыш, так похожий на Сашу?

А ведь она всего лишь хочет быть с ним... Саша плюс Наташа...

– 2 –

Наташа медленно шла по набережной, солнце слепило яростно, не по-осеннему, выжигая глаза, заглядывая в душу и прогоняя черные мысли. Чувствовала себя почти преступницей, казалось, все вокруг знают, насколько плохая. Решила воспользоваться проблемами других людей, чтобы устроить личную жизнь.

Ночь прошла почти без сна: всю голову занимали стратегии вперемешку с фантазиями. Саша то доступен на расстоянии без единого миллиметра, то далек, как Плутон в холодном космосе над Питером. На грани сна и реальности воображение подкидывало в топку затейливые истории. Вот они с Сашей на Поцелуевом (почему-то?) мосту ссорятся из-за того, что грубо отозвался о Ларисе. Наташины пылкие и гневные проповеди о дружбе и уважении прерывает неожиданным признанием, что влюбился в Наташу в первую же встречу. Естественно, дальше живописно нафантазирован страстный поцелуй, ответное признание, клятвы никогда не расставаться и прогулка в обнимку под дождем. Из всех небылиц на тему «любви до гроба» это оказалась самой невинной, остальные химеры легко могли стать украшением бульварного романа.

С утренними лучами солнца к ней вернулся здравый смысл. Утренний кофе помог выстроить последовательный ход действий.

Отчетливо стало понятно: все-таки, как ни фантазируй, шансов нет никаких, Саше она даром не сдалась, таких у него целый вагон в день набирается. Это он ей нужен, втюрилась из-за того, что подержал за локоточки и подышал перегаром. Да и влюбилась ли? Обычное бабское влечение к симпатичному мужику. Правда, очень симпатичному... Ничего, скоро пройдет и забудется, как забывались и другие «хотелки». Не в ее стиле добиваться любой ценой желаемого, тем более мужчины. Это, как минимум, унижительно. Все, что сейчас надо, это сосредоточиться на том, что Саша от нее просит. Пообещала, а значит должна сдерживать слово. На ум пришла фраза, усвоенная еще в эпоху нежного отрочества: «Делай, что должен, и будь, что будет». Надо собраться, остудить голову, в первую очередь И, по крайней мере, попытаться посмотреть со стороны, попробовать развернуть в перспективе дальнейшей жизни. Хорошо, что не своей...

Самое странное, что ни разу не возникло даже короткой мысли позвонить Ларисе и поговорить на эту щекотливую тему. Обида обидой, но решила делать дело – действовать.

– Алло, Лариса, здравствуй.

Наташа облокотилась на парапет, необходимо чувствовать опору. Некую константу в мире, который выдавал одно слайд-шоу за другим.

– Привет. – Лариса молчала. Надо что-то говорить самой. Желательно по делу.

– Я встречалась с Сашей. Мы поговорили. – Каждое слово давалось с трудом, будто Наташа прорывалась сквозь резиновую стену. «Соберись, тряпка!» – Наташа даже стукнула ладонью по щеке. – Как ты догадываешься, хочу послушать и тебя.

– А ты сможешь ко мне... к нам приехать домой? Ты же помнишь адрес?

Наташа всю жизнь провела в нескольких кварталах от набережной Фонтанки и очень не любила ездить на окраину к Ларисе, которая, жила в девятиэтажном монстре на Сиреновом бульваре среди столпотворения объектов архитектуры начала восьмидесятых. В оправдание такой удаленности от центра доказывала всем, что свежий воздух есть только в ее расчудесном Выборгском районе. Не мудрено, что Наташе удалось проморгать момент появления нетрадиционной любви в жизни Ларисы. На такое расстояние внезапно в гости не нагрянешь.

Десять минут от метро до подъезда длились столько же, сколько и восхождение на Эверест. Вопросы роем кружились в голове, «Что говорить после «здрасьте», «Что сейчас увидит», «Зачем это мне?»

Дверь открыла худенькая высокая девушка с короткой черной стрижкой, бледной кожей и множеством сережек-колец в ушах. «Это, чтобы лучше слышать тебя, Красная шапочка!» Нервно хихикнула про себя Наташа, а вслух сказала вежливое «Здравствуйте, Вы, наверное, Эльвира?». «Наверное, Эльвира» молча кивнула и сделала широкий приглашающий жест.

Проходя по коридору в зал, Наташа вспомнила, что последний раз приходила в гости к Ларисе лишь на новоселье. Ей лень ездить сюда, на окраину, поэтому Лора, идя на компромисс, либо приходила сама к Наташе домой, либо придумывала встречи в кафе, парках, на мероприятиях. Почему-то стало очень стыдно... А еще носит почетное звание «Лучшая подруга». Последние несколько лет вела себя, оказывается, как законченная эгоистка, не проявляя особой инициативы в дружбе.

Типовая «двушка» с последнего и единственного Наташиного визита сильно изменилась. Когда Лора купила квартиру, на стенах старые советские обои скручивались кулечками для семечек, мебели не было совсем. Шумно, большой компанией справились новоселье по-студенчески весело, сидя на старых диванных подушках и расстелив на полу газеты. Наташа и еще пара знакомых остались ночевать. Долго, пьяно и витиевато спорили о смысле жизни; поучали друг друга, как действовать, чтобы выжить среди ушедшей молодежи, которая наступает на пятки. Сквозь крепкий туман сигаретного дыма прорастали сталактиты и сталагмиты жаркого разговора.

Года два с половиной назад Лариса что-то рассказывала про долгие переговоры с каким-то молодым дизайнером. Наташу не особо интересовало. Для нее ремонт – что-то за пределами дорогого и бессмысленного, родители все делали основательно и надолго. У Ларисы, видимо, все завершилось успешно. В отличие от в Наташиной квартиры в будучно-викторианском стиле, с мебелью, покупавшейся по критерию «добротная», рассчитанной на столетия, Лорина гостиная больше походила на филиал «ИКЕИ».

В большой комнате все было серенько-оранжевенько. Местами, например модный диван с подушечками, на краешек которого Наташа присела, серенько-беленько. Интерьер казался фривольным и смелым. Мелькнуло в голове определение – «по-молодежному». На противоположной стене от дивана вместо телевизора висела большая картина без рамы. Абстракция. Мелькнули блики, нарисовано маслом, догадалась, не постер. Ничего себе, дорогое удовольствие должно быть. Лариса никогда не рассказывала об увлечении современной живописью, значит, принадлежит Эльвире. И вообще, с трудом воспринимается, что находится в квартире человека, которого знает, казалось бы, целую вечность. Или открываются новые грани? Или это вообще не ее жизнь, а новой подруги. Или жены?

Эльвира зашла в комнату следом, встала у дверного косяка, заложив руки за спину, и стала неотрывно смотреть на Наташу. «Это что же во мне такого особенного, что в последнее время постоянно разглядывают?» Взгляд похож на Сашин: цепкий, вызывающий, и такие же черные глаза. В качестве домашней одежды Эльвира носила джинсовый комбинезон на два размера больше и растянутую футболку серого мышинного цвета.

– А Лариса где?

– Скоро придет, она ушла в магазин, – голос у Эльвиры неожиданно для комплекции оказался глубоким и низким. – Я поставлю чай... или Вы кофе будете?

– Не важно, что хотите. – «Она в их паре мужик», подумала Наташа и не удержалась от усмешки.

– Ну да, Вы же не чай-кофеи пришли распивать, а уму-разуму подругу учить. Да?

Это уже был вызов, – Нет, я пришла поговорить...

– О том, что мы не правы?

– Я бы хотела дождаться Ларису и поговорить для начала с ней. Лично. – Пришлось добавить в голос металла. Не хотелось расшаркиваться и заискивать неизвестно перед кем.

– А потом сказать, чтобы я убиралась на хер из ее жизни? – Эльвира стояла, взведенная как пружина, злость начала уже по потолку подбираться к Наташе, готовая осыпаться миллионами острых ножей. В ушах застучала кровь. Кто она такая? Как вообще смеет так разговаривать? Жить негде, вот и решила пигалица подогреть одинокую отчаявшуюся тетку на любовь?

Дверь в коридоре хлопнула.

– Ната, ты уже здесь? Привет, подруга!

Лариса вошла в комнату, держа в руках пакет с продуктами. – Элочка, разбери, пожалуйста, – не смущаясь, звонко чмокнула Эльвиру в губы.

Наташа во все глаза смотрела на Ларису – другой человек! Совершенно незнакомый.

Подруга села рядом на диван и попыталась взять за руку, Наташа отдернула, быстро взглянула на Эльвиру, выходящую из комнаты. Черт, успела заметить. Явно ничего хорошего не подумала. Ну и все равно! Пусть хоть лопнет от злости.

– Я очень-очень рада, что ты пришла. Ты понимаешь, в какой я ситуации?! Саша мне не верит, держит в подвешенном состоянии, постоянно звонит, заваливает глупыми вопросами...

– Глупыми?? Может мне не стоит начинать разговор? У меня тоже только дурацкие вопросы. Ты хоть на минуточку догадываешься, что все больше, чем просто неожиданность?

Лариса перестала улыбаться и закрыла рот рукой, как будто испугалась, что наговорила лишнего.

– Почему ничего не рассказывала о своей «любви»? И я тоже глупая, по-твоему? Может на себя стоит посмотреть для начала? Из всех твоих поступков и авантур – этот самый идиотский.

– Ната, это не поступок и не авантюра. Это моя жизнь...

– Ты в бреду? Жить с женщиной? Тебе уже тридцать пять, а ты все еще в игрушки играешь.

Лариса резко вскинула голову: – Это – не игрушки! Это, действительно, моя жизнь. Я люблю Элю, она любит меня. Мы хотим быть семьей, жить вместе, встречать друг друга с работы, путешествовать, заниматься любовью и воспитывать детей. И мы это делаем. Мы – нормальная семья, почему ты называешь это идиотизмом?

– Потому что так неправильно, Ларис, против природы, разве не понимаешь? Все устроено по-другому. Ты – женщина, тебе нужен мужчина.

– Не тот ли, который меня в поезде изнасиловал, только за то, что я слишком приветливо улыбалась и кормила его яблоками? – Лариса выкрикнула Наташе в лицо.

Старая мерзкая история. Однажды, несколько лет назад, Лариса ездила в командировку в Москву. Пришла после поездки вечером домой к Наташе тихая, вся мягкая, как тряпочка, и осталась ночевать. До рассвета горько проревели, обнявшись.

На обратном пути Лариса ехала в купе с симпатичным и обходительным, как показалось в первые часы общения, мужчиной, чуть старше ее возрастом. Тоже командировочный, ездил опыт перенимать, метростроевец. В полупустом будничном вагоне никто не мешал разговаривать в коридоре у раскрытого окна, курить в тамбуре. Она угощала яблоками, он – армянским коньяком, историями про работу, семью, взрослого сына. Совершенно неожиданно, когда стали ложиться спать, закрыл купе и стал настойчиво обнимать Ларису. Сначала попробовала перевести в шутку, потом отчаянно отбивалась, пыталась орать, но он стал бить. Кулаком в живот. Дыхание перехватило от боли и страха.

Изнасилование состоялось вперемешку с душевными признаниями: «Какая классная телочка». Проводница даже слушать не стала: «Твои проблемы! Мне менты в вагоне не нужны! Видела, как ворковали. Сама юбку задирали, так и скажу».

Всю оставшуюся ночь Лариса боялась зайти в купе. Тряслась от нервного озноба на откидном стуле в коридоре вагона. А он – спал! Утром даже попытался поцеловать. Крепко схватив за шею, продышал в ухо: «Пока, девочка, ты – супер».

Никому ничего не сказала. Стыдно, грязно, больно. Только Наташе смогла рассказать. Она же и нашла психолога. На восстановление практически из руин ушли зима и весна.

– Но это же не единственный мужик в твоей жизни. Почему сразу плохое вспоминаешь?

– А ты не знала, что с того момента до Эли я ни разу ни с кем не переспала? – Лариса стала говорить тише, но голос дрожал как струна. – Я придумывала все романы, лишь бы тебя и других не пугать.

– Неужели из-за того случая ты так изменилась?

– Я не менялась, Наташ, в том-то и дело. Какая есть, и ничего не сделаешь. Помнишь, на пятом курсе после зимней сессии мы ездили в дом отдыха? Вот там я слишком много выпила и ушла на ночевку в комнату к девчонке. Не скажу к кому, ты ее тоже знаешь, училась с нами. Она первая начала меня целовать. Я так испугалась, что протрезвела. Но мне понравилось! Мы всю ночь не спали, разговаривали и занимались любовью. Настоящей любовью, а не сексом...

Каждое слово, будто острыми иголками прикалывало к дивану, голова начала болеть, воздуха не хватало. Ларису как прорвало:

– Это было как волшебство! С мужиками я себя тоже неплохо чувствовала, но всегда ту ночь вспоминала как лучшую в жизни. Психолог помогла, объяснила, что ничего страшного нет. Я просто свою сущность не знала. Этот кобель в поезде дал урок, что надо уметь слушать себя и видеть со стороны. Поступила с ним как любая бабенка, которая знает о предстоящем случайном сексе и соблазняет целенаправленно. Хотя искренне верила, мы будем просто общаться и все! А все потому, что подсознательно в мужиках вижу только друзей, а сплю с ними, потому что все женщины так делают!

Эльвира зашла в комнату и села сзади Лоры, уткнувшись подбородком в плечо.

– Нат, ты посмотри, разве она – не чудо? – Лариса улыбнулась и начала ерошить Эльвире волосы.

– Это «чудо» мне чуть голову не отгрызло, пока я тебя ждала.

– А чему удивляешься? Ты же, так сказать, нормальная, значит потенциальный гомофоб. Что хорошего можно ожидать?

Поводов подумать на досуге стало еще больше. Вопрос нормальности во все времена образовывал группировки «по интересам». Исход противостояния – или война, или пакт о ненападении. Существование в разных системах координат не рождает конструктивного диалога. Он возможен только в том случае, когда удастся выпасть из «партии». Когда начинаешь думать головой, принимая жизнь и живущих вокруг такими, какие они есть. Борьба стоит только «за»: за справедливость, за жизнь, за успех, за близкого человека, а не «против»: убеждений, точки зрения, против друзей...

Где-то в другой реальности в конце коридора дзынькнул чайник, объявляя перерыв. Пошли пить кофе на кухню. Как боксеры, разойдясь в разные углы ринга, каждая набиралась сил перед следующим раундом.

Глядя на то, как Эльвира и Лариса смотрят друг на друга, как общаются, совершенно очевидно, что они действительно счастливы. По-настоящему. Но Наташу все равно коржило изнутри. Хотя Лорик старалась, как могла: веселила, рассказала забавную историю из веселых трудовых будней. Она сразу после института ушла работать менеджером по про-

дажам, продавала рекламу на телевидении и радио, дослужилась до продюсера развлекательных программ. Творческая среда богата на казусы. Наверное, история и впрямь должна веселить, но Наташа даже не поняла в чем суть. На «автомате» вежливо удивлялась, где положено, вставила «ух ты» и «ну надо же». В промежутках между актами вежливости, лихорадочно соображала, что дальше... На тему однополый любви эти две новоиспеченные «жены» разговаривали совершенно свободно, а у нее только корявые шутки приходили на ум. Хорошо, что язык удавалось держать за зубами и улыбаться.

Эльвира нашла предлог: вспомнила, надо срочно кому-то позвонить, и оставила их одних. Повисло то самое молчание, которое называют неловким. Лариса жалобно посмотрела Наташе в глаза:

– Зачем ты меня мучаешь? А?

– Я? Как? – искреннее удивление даже не пришлось изображать.

– Ты все время поджимаешь губы и шарахаешься от нас, как от чесоточных. Боишься, что заденем случайно? Ты не переживай, любовь к женщинам не заразна. – Лариса помолчала. – Вот любовь к себе – этим, пожалуй, можно заразиться. Я слишком долго жила будущим, постоянно разыскивая в прошлом предзнаменования, что скоро будет лучше. Вопрос знатокам: а жила ли я? Где в это время пропадало мое настоящее? Я, то рылась в прошлом, анализируя обиды, неудачи, поступки, чтобы «больше так не делать», то рисовала в мечтах, как хорошо буду скоро жить. Все ждала, еще чуть-чуть и будет лучше! Конечно же, будущее прекрасно, надо только потерпеть и не суетиться понапрасну.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.